

УДК 94(479.25)

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-2-250-263

**ОТГОЛОСКИ ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРМЕНИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ
МАТЕРИАЛАМ ГОРОДА ДВИНА**

**ECHOES OF THEATRICAL PERFORMANCES IN MEDIEVAL ARMENIA
ON ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL MATERIALS
OF THE DVIN CITY**

**А.С. Жамкочян, Н.Г. Акопян, А.Ю. Худавердян
A.S. Zhamkochyan, N.G. Hakopyan, A.Yu. Khudaverdyan**

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Армении
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренци, 15

Institute of Archaeology and Ethnography National Academy of Science,
15 Charenci St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация

Массовые представления и связанные с ними смеховые действия или образы занимали в жизни средневекового человека огромное место. В этой связи большой интерес представляют украшенные маскаронами сосуды и скелеты карликов из Двина. Вся композиция на алабастроне передает задуманный мастером литературный сюжет притчи, поговорки или загадки через понятный зрителю репертуар шута. В средневековых празднествах, массовых представлениях простых людей часто развлекали карлики в роли шутов. Они умели жонглировать ножами, кольцами и яблоками, петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах. Среди них были акробаты, дрессировщики, люди, изображавшие повадки, крики и привычки животных. Мы допускаем, что обнаруженные скелеты индивидов могли быть гастролирующими гистрионами при царских и княжеских дворах Двина.

Abstract

Mass representations and related laughter acts or images occupied a huge place in the life of a medieval person. In this regard, vessels and skeletons of Dvina dwarfs decorated with mascarons are of great interest. The entire composition on alabastron conveys the literary plot of a parable, sayings or riddles conceived by the master through the repertoire of the jester. In medieval festivals, mass performances of ordinary people are often entertained dwarfs in the role of jesters. They knew how to juggle with knives, rings and apples, sing, dance and play musical instruments. Among them were acrobats, trainer, people who depicted habits, animal screams and behavior. We assume that the identified skeletons of individuals could be histrions at royal, princely and ducal courtyards of Dvin. In the period of the High Middle Ages (11–13th cc.) in Dvin, the rise of trade, economic and cultural life is observed. Theatrical and areal performances, as a specific genre of art, closely related to folklore and reflecting reality, have become firmly established in urban life.

Ключевые слова: Армения, Двин, театр, алабастрон, шут, фаянс, керамика, маскарон, карлики, гистрионы.

Keywords: Armenia, Dvin, theater, alabastron, jester, faience, ceramics, mascaron, dwarfs, histrions.

Развалины столицы средневековой Армении Двина – крупнейшего культурного, торгово-ремесленного центра – находятся в 35 км к югу от г. Еревана. В период развитого средневековья (XI–XIII вв.) в Двине наблюдается подъем торгово-экономической и культурной жизни. Театральные и площадные представления, как специфический жанр искусства, тесно связанный с фольклором и отражающий действительность, прочно вошли в

городской быт. Город и городская среда стали центром общественной и культурной жизни, где формировался духовный мир средневекового человека. В театральных представлениях нашли отражение социальные тяготы и классовое неравенство, стремление оторваться от проблем окружающей действительности.

В трудах раннесредневековых историков Агатангелоса, Павстоса Бузанда, Егише, Езника Кохбаци и Мовсеса Хоренаци содержатся некоторые наиболее ранние сведения о народных празднествах, придворных пиршествах, всевозможных развлечениях в княжеских палатах и монастырях. Исследователи театрального наследия средневековья В. Ацуня, Г. Гоян, Г. Левонян, С. Лисициан, Э. Петросян, Ж. Хачатрян, Г. Ованнисян, Г. Ордоян и др. в своих работах довольно обстоятельно осветили определенные культурные процессы развитого средневековья (XII–XIII вв.) и дали интерпретацию некоторых жанров. В поисках сведений о средневековом театре Армении они обратились к разным источникам, отражающим городскую жизнь общества. Их поиски привели к средневековой армянской миниатюре с изображениями театрализованных представлений. Однако следует констатировать, что такие источники не всегда реально отражают культурную среду этого периода. Доказательством тому служат обнаруженные в результате археологических работ на территории города фрагменты керамики, а также целые образцы. Обнаруженные в Двине различные фрагменты хрупких фаянсовых сосудов, украшенных различными маскаронами, изображающих актеров в высоких театральных париках, шутов с бритой головой, а также диких зверей – львов, волков, представляют собой целое хранилище информации (рис. 1: 6, 7, 8, 9, 11).

Первая часть данной публикации посвящена широко известному в средневековом народном театре образу шута, который нашел свое отражение на покрытом синей глазурью фаянсовом сосуде в форме алабастрона из раскопок 1977 г. в Нижней Крепости Двина (рис. 1: 6). Поверхность сосуда разделена на вертикальные колонки разной ширины. В каждой колонке сверху вниз на незначительном расстоянии друг от друга в форме треугольника помещены по три маскарона лысого шута. Таким же образом в гармоничном сочетании формы и размера распределены маскарона волка. В качестве разделительного элемента использована сетчатая вертикальная лента, состоящая из заполненных розеток-бутонов. Результатом творческого подхода мастера-гончара является его стремление выбрать наиболее выразительные средства. Он украшает поверхность сосуда лепными изображениями львов, медведей, волков, масок шутов и различными композициями, которые мы видим на других керамических фрагментах из Двина (рис. 1: 7, 8, 11). В данной статье характеристика маскарон львов, волков, медведей носит обзорный характер. Композиционная схема на данном алабастроне решена уверенно, в рамках канонов средневековой иконографии. На наш взгляд, вся композиция в целом передает задуманный мастером литературный сюжет какой-то притчи, поговорки или загадки через понятный зрителю репертуар шута. Мы предполагаем, что постоянное повторение числа три (трижды шут, трижды волк) отражает определенное мировосприятие, отражающее мифологему о триаде – Космос-Океан-Земля [Арутюнян, 2000, с. 9–18; Мифы народов мира, 1987, с. 398–418].

Ключ к разгадке этих сюжетов следует искать в глубине древнейших идеологических и культурных воззрений, в тотемических верованиях и обрядовых церемониях с использованием масок [Ардзинба, 1982]. Однако наряду с определенной тенденцией усвоения культурного наследия в период средневековья прослеживаются новые веяния в театрализованных представлениях, истоки которых восходят к значительно более раннему периоду. Отметим, что в свое время академик Н.Я. Марр высказал точку зрения, что прототипы образов животного мира следует искать в художественной литературе, в частности, в творчестве баснописцев Мхитаря Гоша (XII в.) и Вардана Айгекци (XIII в.) [Марр, 1899, с. 160]. Это замечание актуально и в наши дни. Добавим, что в прикладном искусстве имело место также отражение ряда деталей, отражающих театрализованные, площадно-зрелищные представления, в которых через незамысловатые подражательные и символические движения странствующих канатных плясунов, жонглеров, скоморохов, шутов-

уродцев, горбунов, борцов, дрессировщиков зверей передавались реальные человеческие взаимоотношения. Этот феномен характерен для Византии [Удальцова, 1988].

О театральные представления подобного жанра упоминают Езник Кохбаци и Давид Анахт (V в.). Езник Кохбаци в «Книге опровержений» (О добре и зле) (V в.) отмечает, как приручают диких животных и, в качестве примера, приводит волчат, которые в результате дрессировки становятся спутниками человека. Дрессировщик умирляет львят, которые ластятся к хозяевам, а злобными становятся только к чужим. Медвежонок, подражая человеку, пляшет [Кохбаци, 1968, с. 63–64]. Давид Анахт (Непобедимый) считает, что «суетные искусства это такие как эквилибристика, жонглерство, которые не приносят жизни ни пользы, ни вреда» [Давид Анахт, 1960, с. 105]. Можно предположить, что мастер-гончар попытался перенести свои впечатления, полученные от театральных зрелищ путем изображения на сосуде волка, медведя или льва (рис. 1: 7, 8, 11). Образ шута мастер-гончаром решен в канонах средневековой иконографии и одновременно под непосредственными впечатлениями, полученными от театральных представлений. Это украшенная лентой яйцеобразная лысая голова шута и грустное выражение лица.

Как известно, образ лысого шута восходит к древнейшей хеттской и урартской традициям [Ардзинба, 1982]. У. Зайдл в своем исследовании, посвященном урартским бронзовым поясам, приводит фрагмент пояса, на котором изображен акробат с бритой головой [Seidl, 2004]. Эта традиция была наследована в античном мире, о чем свидетельствует следующее выражение: «Человек театра лыс соответственно профессии, а не по природе». Согласно некоторым источникам, обычай брить голову был обусловлен ношением кожаной шапки, поскольку во время поединков или на поле брани необходимо было защищать голову от ударов [Patrologia graeca: цит. Ордоян, 1984, с. 865]. Шут был собирательным персонажем в средневековых веселых и комических площадных игрищах, о чем упоминает Вардан Айгекци: «Он смешил и радовал людей» [Марр, 1894, с. 26, 27, 49–50, 175–177]. Шуты были неизменными участниками и пародистами в различных церемониях. В армянском языке существует серия театральных терминов, обозначающих шута в различных его ипостасях как например: *khekhatak* – комедиант, шут-урод, *hachatak* – шут-блюдолиз, *khakhatak* – игрок, *sakhratak* – шут-комедиант, *katakagusan* – шут-музыкант-слагатель, *airapak* – скоморох [Ованнисян, 1978, с. 229]. Поэт и философ XIV в. Степанос Сюнеци выступая против шутовского сословия, характеризует шутов следующим образом: «Некоторые становятся комиками, другие фанатиками и насмешниками-балагурами, другие – шутами-уродами, не имеющими способностей, а прочие – скоморохами, пляшущими дьявольские пляски» [Адонц, 1915, с. 193]. Образ шута характеризуется двойственностью: отмечаются как положительные, так и его отрицательные черты. В притче Вардана Айгекци «Скоморох Зис и купец» рассказывается, как шут выступал у городских ворот в роли обманщика. Он протаскивает через тесные городские ворота опоздавшего купца, обманув, наряжает его в свою одежду и, забрав его имущество, исчезает [Марр, 1894]. Принимая во внимание участие шута как в царских увеселениях, так и в городских зрелищах, к нему относились как к внеклассовому персонажу, о чем писал И. Орбели [1963, с. 316–322] в своей статье «Скоморох и баня XII века». Однако, как утверждал Есаи Нчеци в «Анализе грамматики» [Есаи Нчеци, 1966], шут был выходцем из крестьянского сословия, его неотъемлемой частью. Основной площадкой для выступлений шута были церковная паперть, рынок, городские ворота, где во время празднеств собиралось большое количество народа.

Епископ Двинского патриархата Ован Мандакун, известный как защитник обездоленных слоев населения и воинствующий проповедник, в своих знаменитых речах под названием «О непристойном дьявольском театре» выражал крайнюю нетерпимость к «дьявольскому театру», где пели и плясали скоморохи (гусаны) и танцовщицы. Он осуждает тех, кто не ходит в церковь, а посещает театральные подмостки (имеется в виду церковная паперть в Двине) и балаган, в которых высмеиваются церковь, духовенство и церковный ритуал: «презрение, насмешки, ругань..., кто-то сплетничает, кто-то насмехается,

ослепленный стыдом, некоторые лгут и с почтительным тщеславием, как озверевшая собака, кусающая всех без разбора» [Ован Манадакуни, 1860, с. 127–128]. В другой из своих речей Мандакуни пишет: «...они, заблуждаясь, следуют сатане и колдунам, и чародеям, и ведьмам, и жонглерам и покидают патриаршую церковь» [Епископ Карапет, 1913, с. 122]. Церковь же, не терпя публичных зрелищ на территории церковных владений, устанавливала свои законы. В 12-м каноне постановлений IV Двинского собора (645 г.), который приводит автор «Судебника» Мхитар Гош [1954, с. 206; Армянский судебник, 1971, с. 211–212], есть следующий параграф: «Некоторые из азатов¹ и всадников, которым вовсе не место в монастырях, (пребывая в селении), они останавливаются не там, а в монастырях. Они вместе с женами и служанками, и тем попирают каноны святых отцов. В храме святости и богослужения они ужинают при гусанах (скоморохах) и вардзаках (плясунья, певица), что для христиан страшно слышать, тем паче видеть». Однако театр никогда не нарушал авторитета церкви и не противопоставлялся церкви. Каждая попытка отлучения средневекового человека от театра сводилась к неудаче, поскольку в его психологии наряду с любовью к церкви, утвердилась любовь к зрелищам. По этому поводу уместно привести следующее свидетельство католика Абраама Кретаца (XVIII в.) о жителях Ани: «Дьяконов, отправляющих службу, изгоняют и заставляют поднимать Евангелие и целовать его, и так, получив просфору, идут в театр, смотрят зрелища и посещают ипподром» [Абраам Кретаца, 1870, с. 103].

Анализ изображений маскаронов шутов на алабастроне и других фрагментах позволяет подчеркнуть гармоничность цветовой гаммы и отнести алабастрон к произведениям малых скульптурных форм. С одной стороны, его можно рассматривать как произведение декоративного искусства, с другой – как результат вкуса и умения ремесленника в изготовлении бытовых изделий. Уместно вспомнить определение Давида Анахта, согласно которому искусство – прежде всего навык, практическая цель для осуществления рационального: эмпирически выработанное означает проверенное большим опытом, ибо виды искусства проверялись многочисленными репрезентациями и только потом удаивались того, чтобы войти в состав искусства. «Предназначенная для свершения чего-нибудь полезного в жизни, чтобы отличить от суетных и порочных искусств, которые не имеют своей целью свершения полезного в жизни» [Давид Анахт, 1960, с. 105].

Во второй части статьи мы хотим обратить внимание на рельефный керамический обломок, обнаруженный в 1966 г. в Центральном квартале Двина (на глубине 20 см). Он был предварительно опубликован руководителем раскопок К.Г. Кафадаряном и А.А. Калантаряном (рис. 1: 5). Г. Петросян определяет сюжет изображения как иллюстрацию к басне Вардана Айгекци (XIII в.) «Священник и пес» [Петросян, 2003, с. 347]. Подобная трактовка сюжета, на наш взгляд, требует уточнения. Прежде всего, отметим, что на данном фрагменте элементы театрализации выступают в художественной форме – в виде танцевальных элементов и движений. Кроме того, эта композиция является скорее исключением, чем закономерностью. В композиции, симметрично разделенной на части, изображен священник в головном уборе, с крестом в руке, а слева и справа – обнаженные женщины в динамичной круговой пляске. Орнаментированный длинный и узкий пояс под венчиком – это ритмически повторяющаяся композиция, содержание которой имеет четкое прочтение. По нашему мнению, изображена сцена из повседневной жизни Двина XII–XIII вв. (артефакт найден именно в этом слое), отражающая культурные, идеологические, морально-духовные перемены. В одном из постановлений вышеупомянутого Двинского собора есть параграф, осуждающий предоставление приюта наемным танцовщицам и скоморохам на территории церковных владений. Логично предположить, что эти встречи завершались пиршествами, какое мы видим на описанном фрагменте. Ключ к интерпретации следует искать в идеологии и

¹ Вторая социальная группа феодального общества Аршакидской Армении, которая состояла из широкого слоя мелких землевладельцев или мелкой знати, называлась «азатами». Сословие азатов соответствовало по своему социальному и экономическому положению «благородным воинам» или рыцарям средневековой феодальной Европы [Манадян, 1954, с. 91].

эстетических воззрениях XII–XIII веков. М. Абемян писал, что в указанный период, наряду с оживлением экономической и городской жизни, пробуждается светский дух времен язычества, и новое мировоззрение противопоставляется религиозно-церковному [Абемян, 2013, с. 20]. Отметим, что обстоятельства обнаружения артефакта хронологически совпадают с вышеупомянутым мировоззрением. Этот сюжет можно считать отголоском религиозного движения тондракидов, возникшего в 830-е годы севернее озера Ван. Здесь мы видим двойственность в отношении к этому движению мастера-гончара или заказчика, с одной стороны, как его сторонника, а с другой – как его противника. Известно, что тондракиды отрицали крест, духовенство, церковь, обряды крещения, причастия и свадебный обряд, то есть отрицали все Божественное и Апостольское.

Историк Аристокс Ластивертци (XI в.), повествуя об иноке Кунцике и князе Врвэре, считает их служителями сатаны и пишет о том, что те вели распутную жизнь с женщиной Ранойш и двумя сестрами Ахни и Камаран, которые также были заражены скверной беспутства [Аристокс Ластивертци, 1966, с. 36–38, 123, 125–127, 170]. Не исключено, что мастер, изготовивший этот сосуд, был противником тондракидов и сознательно отразил их нечестивый быт на рисунке. С другой стороны, его можно считать сторонником тондракидского движения, пытающегося оправдать присутствие представителя духовенства в своих рядах. Тондракиды признавали не церковное венчание, как символ брака, а идею свободной любви. Истоки изображения танцевальной сцены восходят к древнейшей хурритской и хеттской традициям. Театровед Э. Петросян [2003, с. 336–337] в публикации полевых материалов приводит ряд примеров подражательных плясок с постепенным обнажением и считает, что этот ритуал сложился еще в глубокой древности.

Анализируя фрагменты художественных керамических сосудов Двина, можно сделать вывод, что в них отражены национальные особенности и основополагающие элементы средневековой городской культуры. Они еще раз подтверждают правильность теории А. Якобсона о том, что керамическое производство, в частности, глазурованная керамика, было характерно для города и удовлетворяло не только бытовые, но и эстетические потребности населения [Якобсон, 1978, с. 150].

В третьей части статьи мы проанализируем антропологические материалы из Анберда и Двина, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме.

В анбердской бане были обнаружены останки мужчины примерно 45 лет вместе с колпаком в виде петушиного гребня и костями петуха. Часть левой стороны нижней челюсти у индивида отсутствовала, что придавало лицу кривизну и скошенность. У индивида были удалены все зубы, возможно, преднамеренно. К тому же была выполнена операция над подбородком. Врачи, консультировавшие И. Орбели, считали, что шут при жизни не мог держать рот закрытым, всегда смеялся [Орбели, 1938, с. 270]. Чем-то это напоминает смеющегося шута из романа В. Гюго. У анбердского индивида также наблюдалось очень сильное искривление позвоночника (горб). Исследователь допускает, что погребенный в бане со своим спутником – петухом – шут был одной из тех диковинок, что могли украсить двор властителя неприступного замка Анберд.

В средневековых празднествах, массовых представлениях простых людей часто развлекали карлики в роли шутов. Они умели жонглировать ножами, кольцами и яблоками, петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах. Среди них были акробаты, дрессировщики, люди, изображавшие повадки, крики и привычки животных. В 2016 г. во время расчистки в кафедральном соборе Св. Григория были зафиксированы скелеты двух индивидов. Кости находились небрежно положенными над поверхностью пола на высоте около 40–50 см. Это, возможно, перезахоронение останков, попавших в зону строительства собора. Скелеты индивидов выявляют следы задержки *ростовых процессов* [Худавердян и др., 2017, с. 77–79, 85–86, 91]. Индивид № 1 – юноша 17 (± 2) лет (рис. 2). Мозговая коробка индивида характеризуется как брахикранная, с большим поперечным и выходящим за нижнюю границу нормы продольным диаметром. Она низкая абсолютно и относительно по высотно-поперечному указателю (тапейнокрания). Параметры длины и ши-

рины основания черепа находятся на границе очень малых и малых величин. Затылок средней ширины, с малыми дугой и хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды очень малые. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Величины лобных дуги и хорды средние. Надпереносье и надбровные дуги выражены незначительно, скуловые дуги очень тонкие. Сверху черепная коробка сфероидной формы. Швы черепа зубчатые. Скуловой диаметр очень малый. Длина основания лица (так же, как и черепа) – очень малая. Лицо низкое, малое по значению верхней ширины и очень малое – на уровне зигомаксиллярных точек. Горизонтальная профилировка ослаблена на верхнем уровне, на среднем она довольно сильная. Верхнелицевой указатель попадает в категорию мезен, что свидетельствует о среднем верхнем отделе лица. Высота носа очень малая, ширина также очень малая (за границей нормы). Носовой указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина большая, высота – малая, указатель также малый. Симотическая ширина средняя, высота – малая, указатель – малый. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как уплощенную. Передняя носовая ость выступает средне. Боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Орбиты узкие, средневысокие и гипсиконхные. Ширина неба выходит за нижнюю границу нормы. Длина и ширина альвеолярной дуги очень малые. Проекционная длина нижней челюсти средняя. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Угловая ширина малая, передняя – очень малая. Бугристость в области наружной поверхности угла (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) и внутренней поверхности угла (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. pterygoideus medialis*) с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз средневысокий, тело очень низкое массивное с очень большой толщиной.

Мозговая коробка второго индивида мужчины 22 (± 2) лет также брахикранная (рис. 3), с малым поперечным и выходящим за нижнюю границу нормы продольным диаметром. Она очень низкая, величина высотно-поперечного указателя находится на границе малых и средних величин (метриокран). Величина высотно-продольного указателя – большая (гипсикран). Параметры длины и ширины основания черепа находятся на границе малых и очень малых величин. Затылок очень малой ширины, с очень малыми дугой и хордой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории очень малых размеров. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб очень узкий, лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Величины лобных дуги и хорды очень малые. Сверху черепная коробка бирзоидной формы, имеет резкое сужение в височной области. Швы черепа зубчатые. Скуловой диаметр выходит за нижнюю границу нормы. Лицевая часть черепа мезогнатная, невысокая. Углы горизонтальной профилировки входят в категорию малых, т. е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Верхнелицевой указатель попадает в категорию лептен. Высота носа малая, ширина – очень малая. Носовой указатель маленький (лепториния). Дакриальная высота большая, ширина – малая, указатель – очень большой. Симотическая ширина малая, высота и указатель – очень большие. Передняя носовая ость выступает сильно. Боковые края грушевидного отверстия продолжают вниз, образуя с нижним краем ясно выраженные ямки, разделенные передней гранью носового шипа. Орбиты низкие и неширокие (мезоконхные). Небо глубокое, ширина выходит за нижнюю границу нормы, длина – малая. Длина и ширина альвеолярной дуги очень малые. Проекционная длина нижней челюсти находится на границе очень малых и малых величин. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностей углов с обеих сторон выражена отчетливо. Угловая ширина, передняя – очень малая. Симфиз невысокий, тело также очень низкое с очень большой толщиной. Таким образом, на изученных черепах целый ряд размерных характеристик выходит за пределы стандартных вариаций [Алексеев, Дебец, 1964, с. 116], что говорит о существенных отклонениях от нормальной морфологии мозгового и лицевого отделов.

В нашем распоряжении имеются кости посткраниального скелета только индивида № 2. Обнаружить кости первого скелета не удалось. Наблюдается асимметрия: левая ключица несколько длиннее правой, однако правая чуть толще. Верхний край лопатки имеет горизонтальную или почти горизонтальную форму, верхний угол незначительно поднимается над лопаточной вырезкой (балл 1). Лопаточная ость, утончаясь над основанием, затем резко утолщается и дальше остается более или менее одинаковой по всей своей длине (балл 3). Суставная впадина лопатки имеет грушевидную форму. Переход от верхнего края лопатки к краю лопаточной вырезки выражен вполне отчетливо, однако вырезка неглубока (балл 2). По абсолютным размерам плечевая кость характеризуется выходящими за нижнюю границу нормы значениями всех признаков. Значение указателя массивности попадает в градацию малых значений. Над внутренним мыщелком на внутреннем гребне тела правой плечевой кости фиксируется надмыщелковый отросток (*processus epicondyloides*). На плечевых костях наблюдается довольно хорошее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости. Средние величины по этим признакам суммарно равны 1,94. Такое развитие дельтовидной бугристости указывает на сильное развитие одноименной мышцы, поднимающей верхнюю конечность до горизонтального уровня, вращающей плечо внутрь и наружу, что, в свою очередь, свидетельствует о развитой мускулатуре плеча. В целом можно говорить о высоком значении для трудовой деятельности данного индивида мышц, поднимающих и вращающих плечо. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы – эуроления. Локтевая и лучевая кости также по всем размерам характеризуются выходящими за нижнюю границу нормы величинами. На лучевых костях умеренно (но не слабо) развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т. е. мышцы, участвующей в процессе поднимания тяжести вверх. На обеих локтевых костях достаточно хорошее развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. Наблюдается также хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости (обеих костей), к которому также прикрепляется эта мышца. Видимо, данному карлику в процессе трудовой деятельности приходилось поддерживать груз, поднятый над головой. Шиловидный отросток (обеих костей) локтевой кости хорошо развит, ближе к головке локтевой кости имеется мощная бороздка. Мощный шиловидный отросток, возможно, также указывает на силу связочного аппарата лучезапястного сустава.

У индивида форма грудной клетки коническая, т. е. нижняя ее часть шире, чем верхняя, ребра мало наклонены. В позвоночном отделе не выявлено снижение высоты тел. Однако, повреждены грудные позвонки (Т 2, 4–6, 10–11) – начальная стадия формирования позвоночных грыж или узлов Шморля. Признак формируется при значительных компрессионных нагрузках на позвоночник преимущественно в период роста. Наблюдается центральное расположение межпозвоночных грыж. По краям тел и на вершинах остистых отростков выявляются слабо развитые остеофиты. На зубовидном отростке второго шейного позвонка фиксируются множественные экзостозы. У исследуемого индивида изменения костной ткани связаны с тяжелыми физическими нагрузками. Зафиксированные болезни позвоночника в совокупности с степенью развитости мышечного рельефа дает возможность сделать предположение, что индивид систематически подвергался сильным физическим нагрузкам.

Крестцовая кость гомобазальная. Степень изгиба крестца у индивида 15,16 мм, что значительно ниже, чем групповые средние у взрослого человека (18–24) [Рогинский, Левин, 1978, с. 76]. На костях таза фиксируются следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На местах прикрепления верхней (*ligamentum pubicum superius*) и дугообразной (*ligamentum arcuatum pubis*) связок лобка сформировались признаки энтезопатии. На суставных поверхностях лобковых костей (*symphysis pubica*), в частности на левой, выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм (рис. 4). Причиной их возникновения может быть лобковый симфизит, являющийся частью многокомпонентного ARS-синдрома (*adductor, rectus, symphysis*) – патологического состояния сухо-

жильно-мышечного комплекса вследствие длительных однотипных нагрузок, связанных с асимметричным сокращением приводящих мышц бедер (*musculus adductor longus et (or) brevis, musculus gracilis*) и дистальной части прямой мышцы живота (*musculus rectus abdominis*). К травматизации может приводить походка, требующее наклона тела вперед при фиксации голени в прямом или согнутом положении.

Длина бедренной кости (левая) также выходит за нижнюю границу нормы. Сечение бедренной кости характеризуется *гиперплатимерией*. На бедренных костях сильно развита межвертельная линия, которая фактически имеет вид гребня, сильно выступая над уровнем тела кости. Это место прикрепления подвздошно-бедренной связки, которая тормозит разгибание тазобедренного сустава и участвует в удержании туловища в вертикальном положении [Кишиц, Сентагоготаи, 1965]. При смещении тазобедренного сустава назад роль этой связки возрастает, что мы и отмечаем у данного индивида. На проксимальной суставной поверхности к передней части шейки бедренной кости фиксируется фасетка Пуаррье (Poirier's facet). На бедренных костях неплохое развитие ягодичной шероховатой и, следовательно, больших ягодичных мышц обеих ног. В области шейки левого бедра имеются так называемые «фасетки всадника» – структуры, образовавшиеся под влиянием многолетней верховой езды.

Надколенная чашка имеет форму широкого овала. На суставной поверхности (медиальных и латеральных частях) наблюдаются восемь фасеток. Берцовые кости характеризуются малыми значениями продольных размеров. По указателю платикнемии и для правой, и для левой стороны свойственна эурикнемия, т. е. верхнее сечение большеберцовых костей расширено в поперечном направлении. Поперечное сечение диафиза большой берцовой кости представляет собой прямоугольник неправильной формы. Задняя поверхность тела подразделяется практически на две поверхности – задне-медиальную и задне-латеральную (балл 4). В сагиттальном сечении наблюдается равномерное закругление латерального мыщелка (балл 4). Наблюдается дополнительная суставная площадка на нижней суставной поверхности большой берцовой кости. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трехглавой мышцы голени) развит умеренно (но не слабо). Он не сильно выступает над уровнем тела, но довольно-таки длинен.

Реконструкция пропорций тела на основании размеров костей скелета выявила следующие тенденции: интермембральный указатель выходит за нижнюю границу минимальных значений, что свидетельствует об удлинённой нижней конечности относительно верхней. Значения берцово-бедренного указателя выходят за высшую границу межгрупповой вариации, т. е. индивид обладает самой длинной голенью, наблюдается также максимальное значение плече-бедренного указателя. Наблюдаются минимальные значения луче-плечевого указателя, т. е. данный индивид имеет очень короткое предплечье. Значения радиохумерального указателя для левой и правой сторон попадают в разные категории (брахикеркия /правая/, мезатикеркия /левая/). Луче-берцовый указатель выходит за нижнюю границу минимальных значений, т. е. предплечье могло быть очень коротким. Эти особенности, скорее, характерны для долихоморфного типа.

Теперь обратимся к остеологической длине конечностей индивида. Остеологическая длина верхней конечности (H1+R1: 453 /правая/, 466 /левая/; H1+U1: 475,5 /правая/, 480 /левая/), также как остеологическая длина нижней конечности (F2+T1: 675; F1+T1: 686; F2+f1: 666; F1+f1: 677) находятся за нижней границей межгрупповой вариации. Для определения прижизненного роста индивида были использованы формулы С. Дюпертюи и Д. Хэддена, разработанные для низкорослых европеоидов [Алексеев, 1966, с.245]. Как известно, формул для определения длин разных костей и роста карликов пока не существует, поэтому были использованы формулы для людей, не имеющих отклонений в ростовых процессах.

Данный индивид имел карликовость с непропорциональным телосложением, с ростом примерно 145 см. При рентгенографии больших берцовых костей определяются несколько зон остановки роста – линии Гарриса (рис. 5), которые являются результатом

нарушения развития хрящевой ткани, возникшие в результате остановки ее роста в детском и юношеском возрасте под действием неблагоприятных факторов экзо-, эндогенной природы. Индивид характеризуется гипофизарной карликовостью. Наиболее вероятным диагнозом, в свете полученных данных, нам представляется карликовость Ларона (или синдром Ларона). Болезнь характерна для детей, родившихся от близкородственных браков, задержка роста происходит в постнатальном периоде. Телосложение карлика *непропорциональное (преобладает укорочение плечевых, локтевых, лучевых костей и бедер)*, при нормальной длине туловища. Это своеобразная разновидность карликовости, обусловленная врожденным дефектом гена рецептора соматотропного гормона (СТГ) [Риггз, Милтон, 2000; Быков, 2001]. СТГ передней доли гипофиза, точнее, его соматомедины влияют на выработку в печени инсулиноподобного фактора, способствующего хондропластическому и периостальному росту кости, увеличению размеров скелета. Большинство индивидов с синдромом Ларона – выходцы с семитского Среднего Востока, Средиземноморья, а также из Южной Азии [Rosenfeld et al., 1994, p. 376–380; Rosenbloom, Guevara-Aguirre, 1998, p. 278–280; Galli-Tsinopoulou et al., 2003, p. 122; Laron, 2004, p. 1036].

Мы должны отметить, что распределение некоторых генетически детерминированных признаков позволяет допустить наличие определенных родственных связей между индивидами. 10 из 19 изученных дискретно-варьирующих маркеров встречаются у обоих индивидов. 26 признаков отсутствуют на обоих черепах. Разделенная швом скуловая кость (*os japonicum*), рассматриваемая в качестве восточного признака, была выявлена у обоих индивидов. На латеральных резцах присутствовала максимально выраженная лопатообразность. На латеральном резце короннорадикулярная борозда сдвинута мезиально и отсекает лингвальный бугорок от подходящего в этом месте к нему мезиального краевого гребня. Борозда, отделяющая (или пересекающая) лингвальный бугорок, продолжается и на корне. Данный фен-маркер на палеоматериалах с территории Армении встречается впервые.

Один из византийских писателей раннего средневековья упоминает о труппе из Египта, которая давала представления в Аравии, Персии, Армении и Грузии. «В это время в Константинополь зашли люди, знавшие чудное искусство. Они вышли первоначально из Египта и по пути в Аравию, Персию, Армению и Грузию показали свое искусство. Все, что они делали, было необычайно и чудесно; впрочем, это было не дьявольским наваждением, а делом естественным, плодом долговременного упражнения. Акробатические трюки были сложными. Они выполняли упражнения, поднявшись на лошадь, погоняя ее и на полной рыси, стоя прямо то на спине, то на гриве, постоянно и смело перебирая ногами, принимая вид летающей птицы. Или спускались с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимались из-под нее уже с другой стороны и снова скакали. Такие фокусы не всегда сходили с рук счастливо и без вредных последствий; нередко, обрываясь, эти люди ушибались до смерти. Из отечества их отправилось больше сорока человек, а достигло Византии в добром здравии меньше двадцати...» [Безобразов, 1919: цит. по: Петросян, 2014, с. 84–85].

Мы полагаем, что, несмотря на небольшой рост, изучаемые индивиды регулярно осуществляли действия, связанные с большой физической нагрузкой. Вероятно, второй индивид постоянно (до определенного времени, пока не возникли проблемы с позвоночником и тазом) вместе с партнером поднимал длинный шест из дерева, а другой партнер (в середине) исполнял на перше различные трюки. Впрочем, не исключено, что он сам мог выполнять определенные трюки. Он был также наездником. Травматизация костей таза не позволяла ему прямо держать спину при ходьбе. Возникли проблемы и с голеньями. Так как индивид молодой, то столь сильные патологии свидетельствуют о чрезмерных и интенсивных нагрузках на скелет. Хромота, тугоподвижность – отличительные особенности человека, реконструируемые по исследованному нами скелету. Мы допускаем, что эти индивиды могли быть гастролирующие гистрионы (рис. 6) при царских и княжеских дворах Двина.

Рис. 1. Фрагменты сосудов и алабастрон из Двина
 Fig. 1. Fragments of vessels and alabastron from Dvin

Рис. 2. Череп № 1 из Двина
 Fig. 2. Skull number 1 of Dvin

Рис. 3. Череп № 2 из Двина
Fig. 3. Skull number 3 of Dvin

Рис. 4. Лобковые кости мужчины с энтезопатиями на местах прикрепления связок лонного сочленения и признаками лобкового симфизита
Fig. 4. Male pubic bones with enthesopathies at the sites of attachment of the ligament of the symphysis and signs of a pubic symphysis

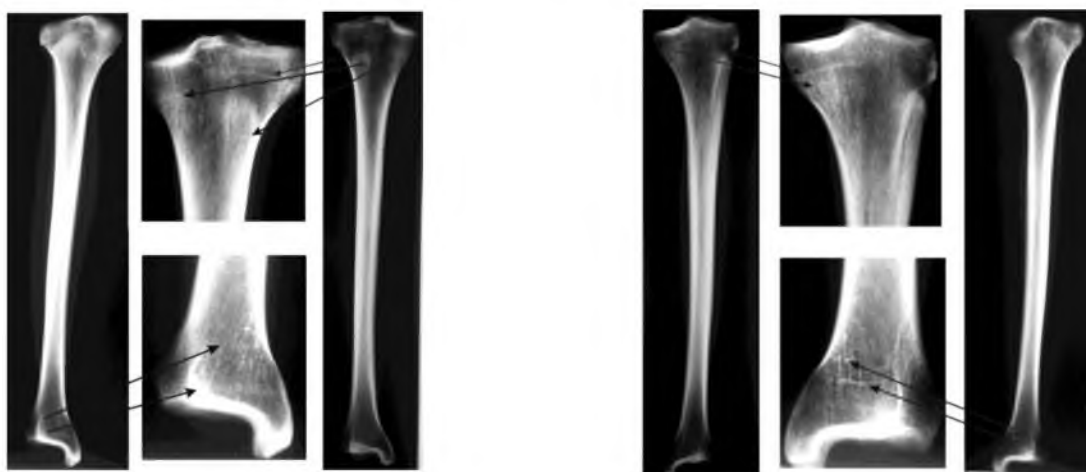

Рис. 5. Линии Гарриса на снимке большой берцовой костей с увеличением.
Стрелками отмечены линии Гарриса
Fig. 5. Harris's lines in the image of the tibia of bones with magnification.
The arrows mark the lines of Harris

Рис. 6. Графическая иллюстрация карлика (художник Ани Саакян)
Fig. 6. Graphic illustration of a dwarf (artist Ani Sahakyan)

Список литературы References

1. Абебян М. 2013. История древнеармянской литературы. Т. 4. Ереван, НАН РА, 594 (на арм. яз.).
Abekhyan M. 2013. Istoriya drevnearmyanskoi literaturi. T. IV. Yerevan, NAN RA, 594 (in Armenian).
2. Адонц Н. 1915. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Петроград, б.и., 307 (на древнеарм. яз.).
Adonts N. Dionisii. Frakiiskie i armyanskie tolkovateli. Petrograd, b.i., 307 (in Armenian).
3. Алексеев В.П. 1966. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М., Наука, 251.
Alekseev V.P., 1966. Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy. M., Nauka, 251. (in Russian)
4. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М., Наука, 128.
Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. Kranimetriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy. M., Nauka, 128. (in Russian)
5. Ардзинба В.Г. 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., Наука, 252.
Ardzinba V.G. 1982. Ritualy i mify drevnei Anatolii. M., Nauka, 252. (in Russian)
6. Арутюнян С. 2000. Армянская мифология. Бейрут, Ваге Сетяян, 528 (in Armenian)
Arutyunyan S. 2000. Armyanskaya mifologiya. Beirut, Vakhe Seteyan, 528 (in Armenian).
7. Быков Н.А. Цитология и общая гистология. СПб., Сотис, 2001. 519.
Bykov N.A. 2001. Tsitologiya i obshchaia gistologiya. St. Petersburg, Sotiss, 519. (in Russian)
8. Годжаян М. 1974. Ован Майрагомечи большой оратор средневековья. Арменоведческий журнал Айказян (Бейрут). 4: 1–291 (на арм. яз.)
Khoyn M. 1974. Ovan Mairagometsi bol'shoi orator srednevekov'ya. Armenovedcheskii zhurnal Aikazyan (Beirut) 4: 1–291 (in Armenian)
9. Гош, Мхитар. 1954. Армянский судебник. Ереван, АН Арм. ССР, 269.
Gosh, Mkhitar. 1954. Armyanskiy sudebnik. Yerevan, AN Arm. SSR, 269. (in Russian)
10. Давид Непобедимый (Анахт). 1960. Определения философии. Сводный критический текст, перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии С.С. Аревшатяна. Ереван, АН АрмССР, 167 (на арм. яз.).
David Nepobedimiy (Anakht). 1960. Opredeleniya filosofii. Svodniy kriticheskii tekst, perevod s drevnearmyanskogo, predislovie i kommentarii S.S. Arevshatyan. Yerevan, AN Arm SSR, 167 (in Armenian).

11. Калантарян А.А. 1976. Раскопки центрального квартала (1964–1976 гг.). Двин I (археологические раскопки в Армении). 13. Ереван, АН АрмССР, 116.
Qalantaryan A.A. 1976. Raskopki central'nogo kvartala (1964–1976 gg.). Dvin I (arkheologicheskie raskopki v Armenii). 13. Yerevan, AN Arm SSR, 116 (in Russian)
12. Карапет Епископ. 1913. Ованнес Мандакуни и Ован Манрагомеци. Шогагат. Арменоведческий журнал (Вагаршапат). 1: 84–136 (на арм. яз.)
Karapet Episkop. Hovanes Mandakuni i Hovan Manragomeci. Shogagat. Armenovedcheskii dzurnal (Vakhrshapat). 1: 84–136 (in Armenian).
13. Кафадарян К.Г. 1982. Город Двин и его раскопки II. Результаты работ (1951–1972 гг.). Ереван, АН АрмССР, 163.
Kafadaryan K.G. 1982. Gorod Dvin i ego raskopki II. Rezul'tati rabot (1951–1972 gg.). Yerevan, AN Arm SSR, 163 (in Russian).
14. Кишш Ф., Сентагоготаи Я. 1967. Анатомический атлас человеческого тела. Т. 1: Костная система – суставная система – мышечная система. Будапешт, Медицина, 315.
Kishsh F., Sentaogotai Ya. 1967. Anatomicheskii atlas chelovecheskogo tela. T.1: Kostnaya sistema – sustavnaya sistema – mishechnaya sistema. Budapesht, Medicina, 315 (in Russian).
15. Кретаци, Абрам, католикос. 1870. Повествование. Вагаршабад, 129 (на древнеарм. яз.).
Kretaci, Abram, katolikos. 1870. Povestvovanie. Vakharsapat, 129 (in Armenian).
16. Кохбацци, Езник. 1968. Книга опровержений (о добре и зле). Перевод, предисловие и примечание В. Чалояна. Ереван, АН Арм. ССР, 175.
Kokhbaci, Eznik. 1968. Kniga oproverdzenii (o dobre i zle). Perevod, predislovie i primechanie V. Chaloyana. Yerevan, AN Arm SSR, 175 (in Russian).
17. Манандян Я.А. 1954. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, Ереванский университет, 347.
Manandyan Ya.A. 1954. O trgovle i gorodakh Armenii v svqzi s mirovoi trgovlei drevnikh vremen. Yerevan, Yerevanskii universitet, 347 (in Russian).
18. Мандакуни Ов. 1860. Речи. Венеция, 219 (на древнеарм. яз.).
Mandakuni Ov. Rechi. Veneciya, 219 (in Armenian).
19. Марр Н.Я. 1894. Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. 1. СПб, 202.
Marr N.Ya. 1894. Sborniki pritch Vardana. Materiali dlya istorii srednevekovoi armyanskoj literaturi. Ch. 1. SPb., 202. (in Russian)
20. Мифы народов мира. 1987. Энциклопедия. Т. 1. М., Советская энциклопедия, 720.
Mifi narodov mira. 1987. Enciklopediya. T. 1. M., Sovetstaya enciklopediya, 720. (in Russian)
21. Нчеци, Есаи. 1966. Анализ Грамматики. Перевод подготовил и снабдил предисловием Хачеян Л. Ереван, АН Арм. ССР, 206 (на арм. яз.).
Ncheci, Esai. 1966. Analiz Grammatiki. Perevod podgotovil i snabdil predislovie Khacheyan L. Yerevan, AN Arm SSR, Yerevan, AN Arm SSR, 206 (in Armenian).
22. Ованисян Г. 1978. Театр средневековой Армении. Вопросы истории и теории. Ереван, 330 (на арм. яз.)
Hovanisyan G. 1978. Teatr srednevekovoi Armenii. Voprosi istorii i teorii. Erevan, 330 (in Armenian).
23. Орбели И. 1938. Баня и скоморох XII века. Памятники эпохи Руставели. Л., АН СССР: 159–170.
Orbeli I. 1938. Banyya i skomorokh XII veka. Pamyatniki epokhi Rustaveli. L., AN SSSR: 159–170. (in Russian)
24. Орбели И. 1963. Баня и скоморох XII века. Избранные. Труды. Ереван, АН АрмССР: 316–322.
Orbeli I. 1963. Banyya i skomorokh XII veka. Izbrannie. Trudi. Yerevan, AN ArmSSR, 316–322 (in Russian).
25. Ордоян Г. 1984. Смеховые маски в Киликийской среде. Историко-филологический журнал АН Арм ССР. 4: 117–125 (in Russian).
Ordoyan G. 1984. Smekhovie maski v Kilikiiskoi srede. Istoriko-filologicheskii dzurnal AN Arm SSR. 4: 117–125.
26. Петросян Г. 2003. Средневековый пир и закавказские сосуды для подачи вина на стол. Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Эчмиадзин, б.и.: 343–347 (in Russian).
Petrosyan G. 2003. Srednevekovii pir i zakavkazskie sosudi dlya podachi vina na stol. Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza. Echmiadzin, b.i.: 343–347.

27. Петросян Э.Х. 2003. Миф и иконография сюжета сошествия Инанны на шумерской печати. Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Эчмиадзин, б.и.: 335–338.
 Petrosyan E.Kh. 2003. Mif i ikonografiya syudzeta soshestviya Inanni na shumerskoj pechati. Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza. Echmiadzin, b.i.: 335–338 (in Russian).
28. Петросян Э.Х. 2014. Театр в средневековых армянских миниатюрах. Ереван, Тигран Мец, 212.
 Petrosyan E.Kh. 2014. Teatr v srednevekovikh armyanskikh miniatyurakh. Yerevan, Tigran Mec, 212 (in Russian).
29. Петросян Э.Х. 2018. Храмовый праздник в стране Биайнили (Урарту). По ту сторону Арагаца. Археологические исследования, посвященные памяти Телемака Хачатряна. Ереван, Гитутюн: 182–187.
 Petrosyan E.Kh. 2018. Khramovii prazdnik v strane Biainili (Urartu). Po tu storonu Aragaca. Arkheologicheskie issledovaniya, posvyashennie pamqti Telemaka Khachatryana. Yerevan, Gitutyun, 182–187 (in Russian).
30. Повествование вардапета Аристокеса Ластивертци. 1968. Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения Юзбашьяна К.Н. М., Наука, 193.
 Povestvovanie vardapeta Aristakesa Lastivertci. 1968. Perevod s drevnearmyanskogo, vstupil'nel'naya stat'ya, kommentarii i prilozheniya Yuzbashiyan K.N. M., Nauka, 193. (in Russian)
31. Риггз Л., Милтон Дж.А. 2000. Остеопороз: этиология, диагностика, лечение. СПб., Невский диалект, 558.
 Riggz L., Milton D.A. 2000. Osteoporoz: etiologiya, diagnostika, lechenie. SPb., Nevskii dialekt, 558. (in Russian)
32. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. 1978. Антропология. М., Высш. шк., 528.
 Roginskii Ya.Ya. 1978. Antropologiya. M., Wissh. Shk., 528. (in Russian)
33. Свод армянских канонov. 1971. Составитель Акопян В. Т. 2. Ереван, б.и., 473 (на арм. яз.).
 Svod armyanskikh kanonov. Sostavitel' Akopyan V. T. 2. Yerevan, b.i., 473 (in Armenian).
34. Худавердян А.Ю., Акопян Н.Г., Жамкочян А.С. Енгибарян А.А., Оганесян А.А. 2017. Антропологическая характеристика индивидов IX–XI вв. из памятника Двин (Армения) со следами ростовых нарушений. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 3 (38): 73–99.
 Khudaverdyan A.Yu., Akopyan N.G., Zhamkochyan A.S., Yengibaryan A.A., Novhanisyan A.A. 2017. Antropologicheskaya kharakteriskika individov IX–XI vv. iz pamyatnika Dvin (Armenia) so sledami rostovikh narushenii. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 3 (38): 73–99. (in Russian)
35. Удальцова З. 1988. Византийская культура. М., Наука, 287.
 Udal'sova Z. 1988. Vizantiiskaya kul'tura. M., Nauka, 287. (in Russian)
36. Якобсон А. 1978. Средневековая поливная керамика как историческое явление. Византийский временник (Москва). 39 (64): 248–259.
 Yakobson A. 1978. Srednevekovaya polivnaya keramika kak istoricheskoe yavlenie. Vizantiiskii vremennik (Moskva). 39 (64): 248–259. (in Russian)
37. Galli-Tsinopoulou A., Nousia-Arvanitakis S., Tsinopoulos I., Bechliyanides C., Shevah O., Laron Z. 2003. Laron syndrome. First report from Greece. Hormones. 2 (2): 120–124.
38. Laron Z. 2004. Laron syndrome (primary growth hormone resistance or insensitivity). The personal experience 1958–2003. Journal of Clin. Endocrinology & Metabolism. 89: 1031–1044.
39. Seidl U. 2004. Bronzekunst Urartus. Mainz am Rhien, Von Zabern, 318.
40. Rosenbloom A.L., Guevara-Aguirre J. 1998. Lessons from the genetics of Laron syndrome. Trends in Endocrinology & Metabolism. 9: 276–283.
41. Rosenfeld R.G., Rosenbloom A.L., Guevara-Aguirre J. 1994. Growth hormone (GH) insensitivity due to primary GH receptor deficiency. Endocrine Reviews. 15: 369–390.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Жамкочян А.С., Акопян Н.Г., Худавердян А.Ю. 2019. Отголоски театрализованных представлений в Средневековой Армении по археологическим и антропологическим материалам города Двина. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 46 (2): 250–263. Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-250-263.

Zhamkochyan A.S., Akopyan N.G., Khudaverdyan A.Yu. 2019. Echoes of theatrical performances in Medieval Armenia on archaeological and anthropological materials of the Dvin city. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 46 (2): 250–263 (in Russian). Doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-2-250-263.